

Мария Владимировна Хоменко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, аспирант, Омск, Россия
e-mail: mvkh812@gmail.com

Жанрово-стилистические признаки рассказа о прижизненном чуде (на материале русских житий)

Аннотация. Исследование проводится на материале житий русских преподобных и юродивых святых. Цель исследования — обнаружить константные жанровые и стилистические признаки, позволяющие идентифицировать жанр «рассказ о прижизненном чуде» и обосновать его самостоятельность. В статье используются следующие методы и приемы: наблюдение, сплошная выборка, описание, сопоставление, лингвистический и жанрово-стилистический анализ. В результате исследования, кроме обнаруженных ранее жанровых параметров, определены такие значимые признаки рассказа о прижизненном чуде, как наличие типовых языковых репрезентаций параметров жанра, обязательность грамматических и лексических показателей времени, свидетельствующих о внезапности чудесных событий и подчеркивающих причинно-следственные связи, а также образность повествования, которая создается за счет сравнений и антитез — художественно-изобразительных приемов, раскрывающих природу чудесного в рассказах.

Ключевые слова: агиография, прижизненное чудо, жанр, стиль, язык.

Maria V. Khomenko

Dostoevsky Omsk State University, Postgraduate Student, Omsk, Russia
e-mail: mvkh812@gmail.com

Genre and Stylistic Features of a Story About a Lifetime Miracle (A Case Study of Russian Lives)

Abstract. The research is carried out on the basis of the lives of Russian saints and holy fools. The purpose of the study is to reveal constant genre and stylistic features that allow identifying the genre “the story of a lifetime miracle” and substantiating its independence. The article uses the following methods and techniques: observation, continuous sampling, description, comparison, linguistic and genre-stylistic analysis. As a result of the study, in addition to the previously revealed genre parameters, such significant features of a story about a lifetime miracle were identified as the presence of typical linguistic representations of the genre parameters, the obligatory grammatical and lexical indicators of time, indicating the suddenness of miraculous events and emphasizing cause-and-effect relationships, as well as the imagery of the narrative, which is created through comparisons and antitheses — figurative artistic techniques that reveal the nature of the miraculous in stories.

Keywords: hagiography, lifetime miracle, genre, style, language.

Введение (Introduction)

Жанр как устойчивый тип речи имеет ряд формирующих и определяющих его признаков. К таким признакам относятся тема и ситуация коммуникации, в которой функционируют жанр, структура и иллюзия текста, набор языковых средств, служащих воплощению и достижению интенции автора текста.

Жанр рассказа о чуде (в нашем случае прижизненном), входивший в состав древнерусских и старорусских житий, также имеет ряд стабилизирующих его признаков. Как известно, памятники агиографии должны были соответствовать житийному канону: они начинались с уничижения автора, неспособного постичь и описать величие свя-

того; в них отмечались благородное его происхождение, равнодушие к благам и утехам материального мира, подвижничество и смирение на пути к Царствию Небесному и другие общие места; обязательными были также цитаты из Святого Писания. При этом исследователи отмечают, что некоторые агиографы, не располагавшие достаточным объемом фактов о реальной жизни святого, могли составить его житие из формул, которые целиком заимствовали из других агиографических текстов [1, с. 122–123]. Вместе с тем жития классифицируются по типу святости их «главного героя», что также влияет на содержательные и топические особенности агиографического повествования: для житий-маририев характерна мученическая смерть святого,

для житий князей — подвиг во имя Бога и веры. При этом могут отсутствовать развернутые описания детских лет и чудеса. Последние же были обязательными для житий преподобных святых и встречались в житиях Христа ради юродивых. Чудеса могли совершаться как при жизни, так и по смерти святого, тем самым подтверждая его богоизбранность. В нашем исследовании мы концентрируемся на рассмотрении прижизненных чудес в составе житий русских преподобных святых и юродивых, созданных в период с XI по XIX в. К рассмотрению привлечены жития Феодосия Печерского (ЖтФП), Сергия Радонежского (ЖтСР), Кирилла Белозерского (ЖтКБ) и Пафнутия Боровского (ЖтПБ), а также Тучковская редакция жития Михаила Клопского (ТР ЖтМК), сокращенные варианты житий Василия Блаженного (ЖтВБ) и Иоанна Блаженного (ЖтИБ), изданные во второй половине XIX в.

Закономерно, что жития, написанные в разные века, а значит, на разных стадиях социально-исторического процесса и истории книжного языка, при соблюдении канона характеризуются специфическими признаками времени, в которое они были составлены. Выработка сакрального стиля русской книжности с ее высокой степенью языковой абстракции сочетается с бытовой конкретикой и изобразительностью в житии Феодосия Печерского. Житие предстает как один из памятников периода второго южнославянского влияния и отмечено стилистикой плетения словес. Искусный стиль Пахомия Серба, продемонстрированный им в житии Кирилла Белозерского, стал ориентиром для агиографов следующих периодов. Текст о Пафнутии Боровском, созданный Вассианом Саниным, характеризуется содержательной и нравственной строгостью. Тучковская редакция жизнеописания Михаила Клопского, написанная во время составления «Макариевского цикла», которое характеризуется как период стабилизации канонического варианта жития, в сравнении с легендарной редакцией, отвечает риторическим требованиям жанра и приобретает торжественный характер. Такие же тенденции можно рассмотреть и в чудесных рассказах, входящих в состав этих житий. Однако за приметами времени в них четко вырисовывается жанрово-стилистическая специфика, рассмотрению которой мы и хотим посвятить данную статью. Что составляло языковую основу рассказа о прижизненном чуде как жанра, несмотря на целую россыпь тематик, индивидуализирующие повествование особенности, присущие каждому из рассматриваемых святых, и неизбежную трансформацию агиографической литературы, а значит, и чудесных рассказов?

Ранее нами был рассмотрен ряд жанровых признаков рассказа о прижизненном чуде в коммуникативно-прагматическом и системно-структурном аспектах: параметры жанра, их репрезентации в зависимости от тематической разновидности чудес, типы структуры чудесных рассказов и др. В настоящей работе в качестве предмета исследования определены жанрово-стилистические особенности прижизненного чуда.

Предпринятое изучение признаков жанра «рассказ о прижизненном чуде» «вливается» в общую волну интереса к церковно-религиозному функциональному стилю, подробно описанному в монографическом труде Т. В. Ицкович [2];

к конкретным жанрам этой разновидности литературного языка [3; 4; 5], к жанровой специфике русской агиографии и входящих в нее субжанров [6; 7]. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной степенью изученности жанровой и языковой специфики чудесных рассказов, представленных в житиях русских святых.

Методы (Methods)

Основными методами исследования стали методы наблюдения, сплошной выборки, описания, сопоставления, лингвистического и жанрово-стилистического анализа. На более ранних этапах работы в основу определения жанровой специфики рассказа о прижизненном чуде был положен коммуникативно-прагматический анализ, адаптированный нами к изучению исторического материала. Разработанная для этого методика анализа подразумевает выделение восьми коммуникативно-прагматических параметров, или жанровых компонентов, и описание изучаемых фрагментов житий в соответствии с выявленной моделью. Эти компоненты выстраивают жанровую модель рассказа о прижизненном чуде, состав которой напрямую зависит от тематики, или типа, чуда. Базисными для жанровой модели являются четыре параметра — «ситуация», «объект», «субъект» и «чудесное событие», а их языковые репрезентации в своей совокупности служат идентификатором рассказов о чудесах в составе агиографических повествований.

Анализ житий преподобных святых и Христа ради юродивых позволил выделить 14 тематических разновидностей рассказов о прижизненном чуде: «изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «наказание», «материализация необходимого», «исполнение просимого», «видение», «защита», «благодарение», «крик младенца в утробе», «освоение грамоты», «изведение источника», «тушение огня» и «пророчество».

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В ходе анализа выявлен ряд жанрово-стилистических признаков рассматриваемого жанра. Каждый параметр жанровой модели чудесного рассказа имеет несколько вариантов реализаций, которые напрямую зависят от тематики чуда. Например, параметр «объект» реализуется в разных видах чуда как одушевленный (человек / группа людей) и как неодушевленный (вещество, предмет, помещение, стихия). Далее два указанных типа «объекта» получают в тексте языковое воплощение-репрезентацию: *нѣкій человекъ, жена слѣпа, блаженный отрокъ, прозвитель, разбойници; хлѣбы, вода, источникъ, келия, храмъ, хлевина, телеса вепря, огонь*. Ранее мы подробно рассматривали реализации параметров «ситуация» [8] и «субъект» чуда [9]. В рамках одной статьи не представляется возможным во всех деталях осветить реализации и репрезентации всех остальных параметров. Вместе с тем отметим, что наибольшую вариативность реализаций, а также их языковых репрезентаций имеет параметр «чудесное событие» — почти каждой тематической разновидности чуда, коих на данном этапе исследования мы насчитываем 14, характерен свой круг средств, называющих и описывающих момент свершения чуда: *здравъ бысть, исцѣль, прозре* — «исцеление», *отъ того*

часа не явится бѣсомъ на томъ мѣстѣ, исцѣлѣ — «изгнание бесов», оживе, живѣ есть — «оживление», преста от волнения, в теллоту/тишину преложися — «исполнение просимого» и др. При этом наблюдаются пересечения и совпадения лексических единиц у таких видов чудес, как «изгнание бесов» (если объектом выступает человек) и «исцеление», а также у «видений» и «защиты», так как первое становится вспомогательным для второго.

Как видно из примеров, основное грамматическое средство выражения «чудесного события» — глагол или глагольная группа. Это связано с тем, что по своей природе чудо — это событие, нарушающее законы природы. Оно может быть явлено как результат действий святого или высших сил: *понашаюца мирянина гнѣвъ Божию постиже: вси бо уди тѣла его разслабѣшася* [ЖтКБ, с. 168]; *сего великии отецъ ни мало помедливъ водою освященною покропивъ того исцѣли* [ЖтПБ, с. 41, л. 43 об.] — в приведенных примерах используются аористные и перфектные формы глаголов. Или же чудо является процессом, что характерно в большей степени для «видений», но также и для других тематических разновидностей — чудо может происходить постепенно либо повторяться многократно: *и оттолѣ бѣснуйся начат помалу кротѣти <...> егда же [преподобный] знаменаше его, мучимый рыкнув велиим гласом, абие отскочи от мѣста того <...> болный въврѣжеся в ню [лужу], оттолѣ исцѣлѣ* [ЖтСР, с. 352], *но елико брашна взимаху оттуда, толико паче множахуся и презобиловаху* [ЖтКБ, с. 166], *и тако многошъды приходящемъ имъ, и тѣ глас аньгельскый слышасемъ* [ЖтФП, с. 398]. В таких случаях в тексте закономерно представлены имперфектные формы глаголов, ряд аористов и глаголы со значением стадильности, а также лексические указатели многократности и последовательности.

Видение — тип чуда, в котором высшие силы прорываются в профанный, материальный мир. И в этом мире, чтобы донести свое послание объекту чуда или оказать ему помощь, они должны проявиться, воплотиться в чувственно воспринимаемой форме. Поэтому важными средствами реализации параметра «чудесное событие» в этой тематической разновидности рассказов выступают лексические единицы, которые называют и характеризуют визуальные, аудиальные, изредка тактильные явления и способы их восприятия. К таким единицам относятся: 1) глаголы с семантикой чувств: *възрѣти, видѣти, смотрѣти, слышати(ся), услышати, прикоснутися*; глаголы речи: *глаголати, пѣти*; глаголы «излучения»: *светити, сияти, блистати*; глаголы возникновения и существования: *явитися, быти, исходити, предѣстати*; 2) отглагольные существительные: *видѣние, зрѣние, явление, звонъ, гласъ*; 3) прилагательные и причастия в составе развернутых описательных уподоблений, частотны слова с корнем *-свет-*, которые сопровождаются интенсификаторами типа *велий/великъ*.

Чудесная природа происходящего во время видений обозначается также с помощью эпитетов: *чюдный, странный, несказанный, страшный, ужасный, неисповѣдимый, неизреченный*. Явление высших сил в материальный мир вызывает у свидетеля чуда не просто эмоциональный отклик, а глубокое чувственное потрясение, которое невоз-

можно описать словами: *се видѣти тому чудо испълньн ужасту* [ЖтФП, с. 416]; *дивляшеся оному неизреченному видѣнню* [ЖтСР, с. 354]; *Святый же въ иступлении ума страхомъ и трепетомъ велиимъ одрѣжимъ бываше* [ЖтСР, с. 380]; *сиа ушесы слышаху и очима же ничтоже можаху видѣти но токмо дивляхуся и не просту быти вещь познаху* [ЖтКБ, с. 150], *старецъ же онъ видѣвыи сѣя зѣло въ треперте бысть и яко во иступлении преиде всю литургию* [ЖтПБ, с. 31–32, л. 24 об.].

Наряду с видениями, явленными свидетелю чуда наяву, в текстах житий представлены видения во сне или в промежуточном состоянии между сном и бодрствованием, которое называется в агиографических текстах *тонким сном*. Такие видения порой носят аллегорический характер (и представляют собой развернутую метафору): в них обитель предстает как прекрасный сад, а иноки — как образующие его деревья. Так, в житии Пафнутия Боровского находим рассказ, в котором святой, уснув, видит, что одно из таких деревьев *вержеся на землю... Возбнувъ же блаженныи и уразумѣ силу видѣния зѣло опечалися* [ЖтПБ, с. 24, л. 8–8 об.], так как понимает, что один из иноков совершил грех и более не в силах «украшать» и прославлять святую обитель своим присутствием.

Несмотря на довольно пеструю картину в средствах выражения параметра «чудесное событие», обусловленную индивидуализирующими признаками каждой тематической разновидности, чудесным рассказам присущ ряд универсальных для этого жанра стилистических признаков.

Исследователь житийных текстов Т. П. Рогожников отмечает, что «в чуде создается конкретно-чувственный образ, предметное значение которого обязательно» [10, с. 52]. «Закономерным поэтому представляется предпочтению в чудесах приема сравнения другим образно-выразительным средствам» [10, с. 90]. Действительно, в текстах всех тематических разновидностей находим большое количество сравнений: *пламень великъ зѣло от върха църквьнааго ишьдѣ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другый хѣльмъ* [ЖтФП, с. 416]; *нѣчто образом акы анафору, видѣнием акы малъ усъ бѣла хлѣба пше-нична* [ЖтСР, с. 276]; *свѣт бо вели явися с небесе, яко все ноцнѣ тмѣ отгнаннѣ быти и толицѣмъ свѣтом ноцъ она просвѣщена бѣ, яко дневны свѣт превѣсходити свѣтлостю* [ЖтСР, с. 352]; *глас же та овъ испущаше, яко мнѣти распаднутися ему* [Там же]; *и гласом онѣм, яко перстом, показаше мѣсто то* [ЖтКБ, с. 148]; *не токмо звонъ слышашеся от мѣста того, но яко и пѣвци поюще бяху* [ЖтКБ, с. 150]; *сидох в воду, мнѣхся, яко въ укропѣ стояти* [ЖтКБ, с. 176]; *и толико извлекоша множество рыбѣ яко на всю свѣтлую седмицу доволно* [ЖтПБ, с. 27, л. 15 об.], *во един часъ все тѣло его яко единъ струпъ слѣся* [ЖтПБ, с. 29, л. 18 об.], *и внезапно потрясеся мѣсто и изыде вода выспрь яко трубою* [ТР ЖтМК, с. 40], *предѣ ними на водѣ какъ бы на твердомъ мѣстѣ явился человекъ весь обнаженный* [ЖтВБ, с. 26].

Сравнение позволяет создать словесный образ того, что не имеет конкретной материальной формы, закрепленного в узусе названия или привычной единицы измерения; описать признак, который в своей интенсивности приближа-

ется к идеалу; задать характеристику, которая не является существенным признаком объекта.

Еще одним отличительным, на наш взгляд, изобразительно-выразительным средством, маркирующим чудесные рассказы, является антитеза. Выбор этого тропа агиографами можно объяснить тем, что так подчеркивается природа чудесного: чудо нарушает законы естества, тем самым противоречит ему. В текстах это выражается в противопоставлении должного и наличествующего, при этом должное может оставаться в пресуппозиции: *тѣгда же тѣ разумѣвъ, яко явление от Бога бысть ему, не бо его видѣ дѣръми излѣзша, ни пакы дѣръми влѣзша, нѣ на немъ же мѣстѣ явивъся, на томъ же пакы и невидимъ бысть* [ЖтФП, с. 398]; *жены же рѣша к ней: «До како дастся глас преже роженна младенцу, въ утробѣ сущу?»* [ЖтСР, с. 264]; *но ничтоже бѣше видѣти: он бо толико отхожаше, и огонь угасаше* [ЖтКБ, с. 154]. Однако столь явное языковое воплощение антитетическая природа чуда получает в рассказах, где в параметре «субъект чуда» значатся небожители, а сама святая может быть «виновником» чуда лишь косвенно (это особенно характерно для текстов тематической разновидности «материализации необходимого»).

Эти языковые особенности в каждом рассматриваемом нами тексте не проявлены в комплексе и в то же время не могут служить единственно достаточными признаками для отнесения фрагмента жития к жанру чудесного рассказа. Однако в совокупности с другими показателями способствуют усилению лингвостилистической специфики чуда в рамках текста.

Чудо не возникает в контексте жития на пустом месте, беспричинно. В чудесных рассказах оно, как правило, совершается после ритуальных действий: молитвы, окропления святой водой, вкушения освященной пищи — и в тех случаях, когда божий угодник оказывается в крайне затруднительных обстоятельствах. В иных случаях чудо происходит в момент нарушения и попрания божьих законов и при небогоугодном поведении — действия обидчика не приносят результат или оказываются тщетными либо богохульник или оступившийся праведник получают наказание за свое прегрешение. Поэтому безусловно важным маркером жанра чудесного рассказа выступает последовательность действий героев и ее грамматическое оформление в тексте с помощью оборота «дательный самостоятельный», придаточного времени с *егда* и глагольных цепочек: *онъ же вѣру ять словеси блаженнаго, и съ радостию дѣлу касаетя и абие болѣзнь отбѣже* [ЖтПБ, с. 28, л. 18], *тому же точию вкусившу хлѣба внезапно ударень бываеть лукавствія духомъ и разслабленъ и онемленъ бывъ* [ЖтПБ, с. 43, л. 48], *во время разговора этого, как бы нечаянно онъ наступилъ ему на ногу, которая въ то же время сдѣлалась здоровою* [ЖтИБ, с. 8], *и тако ему молящуся, вечеру сущу глубоко, слыша глас, глаголющъ: «Сергие!» <...> и абие зрит видѣние чудно* [ЖтСР, с. 352], *и противу пламени с честнымъ крестомъ ставшу и Бога молящу, и абие в томъ часѣ огонь, устыдивси молитвы святаго, угасающа* [ЖтКБ, с. 168]. В репертуаре лексических показателей времени нами отмечены обстоятельственные слова и словосочетания: *абие, внезапно, оттоль, тогда, в той час, от того часу/дни* и т. п. Обозначение момента, в кото-

рый происходит чудо, значимо для всех тематических разновидностей чудесных рассказов. Исследователю важно показать, какие действия послужили причиной слома в естественном течении жизни профанного мира и качественного изменения объектов или их состояний.

При этом внезапность разрешения проблемной ситуации или вторжения высших сил в материальный мир в чудесных рассказах ожидаемы читателем/адресатом жития, знакомым с жанровой спецификой (например, средневековым читателем). Однако при схожести сюжетики и тематики фрагментов житий встречаются тексты, лишенные чудесных элементов. Например, в житии Василия Блаженного читаем: *узнавши о кончинѣ святаго народъ стекался поклониться <...> телу праведного не только не предавшемуся разложению, но распространявшему вокруг себя обильное благоволение* [ЖтВБ, с. 28]. По тематике этот фрагмент схож с чудесными благоуханиями, однако в нём отсутствует один из базисных составляющих жанровой модели — «ситуация». То есть в данном случае нет вербального выраженного указания на момент разлучения души и тела святого, после или во время которого распространяется благоухание — как свидетельство того, что душа святого достигла Царствия Небесного. В этом же фрагменте акцент делается на почитании святого людьми — последние представлены в качестве грамматического субъекта предложения. Благоухание от тела святого обозначено лишь как характеристика грамматического объекта и подано в причастном обороте. Еще одно отличие от чудесных рассказов о благоухании — отсутствие указания необычности и степени интенсивности благого аромата. Определение *обильное* не дает исчерпывающей информации, насколько всепроникающим было это явление. Если для сравнения обратиться, например, к житию Сергия Радонежского, то там благоухание встречается дважды и описывается как чудо: 1) *егда Сергий причащяся святыхъ таинъ, тогда абие внезапно исполнися вся церкви она благоуханна* [ЖтСР, с. 294]; 2) *священную душу съ молитвою Господеви предаст... излия же ся тогда благоухание велие и неизреченное от телесе святого* [ЖтСР, с. 388]. В обоих случаях четко обозначен момент возникновения благоволения, который следует за важным событием в духовной жизни святого — первое причащение и отход души к Богу. Подчеркивается также в первом примере ареал распространения аромата, а значит, его интенсивность, во втором — его неопишуемость. В совокупности эти признаки позволяют идентифицировать примеры из ЖтСР как чудесные рассказы. В противоположность им, пример из ЖтВБ имеет более сдержанную тональность, лишен лингвистически выраженного чудесного начала и приближается к констатации факта.

Заключение (Conclusion)

Рассказы о прижизненных чудесах в составе житий русских преподобных и юродивых святых обнаруживают ряд жанрово-стилистических признаков, стабилизирующих и идентифицирующих этот жанр в составе житий разных исторических эпох. К ним относятся:

1) языковые репрезентации коммуникативно-прагматических параметров, образующих жанровую модель чудесных

рассказов. Каждый из восьми параметров имеет варианты текстовых реализаций, которые получает конкретное словесное воплощение в каждом тексте, и каждому из параметров свойствен вариативный, но ограниченный репертуар средств выражения. Наиболее разнообразным в этом плане является жанровый параметр «чудесное событие», поскольку его языковая репрезентация обусловлена непосредственно типом чуда (зафиксировано 14 видов репрезентаций). В качестве грамматического показателя данного параметра выступают глаголы;

2) грамматические и лексические показатели времени, позволяющие передать последовательность событий и под-

черкнуть их причинно-следственные связи в рассказе. Среди таких средств частотными являются придаточные времени, оборот «дательный самостоятельный», наречия и наречные словосочетания с темпоральным значением внезапности;

3) сравнение и антитеза как два изобразительных средства, которые раскрывают природу чуда. Сравнения позволяют «овеществить» чудесное событие в доступную для представителя профанного мира форму, соотнося чудесное, непознаваемое со знакомым и измеримым. Антитеза, представляющая противопоставление должного и наличествующего, подчеркивает сверхъестественность, невероятность того, что происходит в чудесных рассказах.

Источники

ЖТКБ — Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 7 : Вторая половина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1999. С. 132–217.

ЖТСР — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 6 : XIV — середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1999. С. 254–411.

ЖТФП — Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1 : XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. С. 352–433.

ЖТПБ — Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным : по рукописи Ин-та кн. Безбородко / издал А. Кадлубовский. Нежин : Типо-Лит. Венгера, 1898. 52 с.

ТР ЖТМК — Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ четвертый: Повѣсти религіознаго содержанія, древнія поученія и посланія, извлеченныя изъ рукописей Николаемъ Костомаровымъ. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1862. С. 36–51.

ЖТВБ и ЖТИБ — Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые московские чудотворцы. М. : Манухин, 1867. 40 с.

Библиографический список

1. Каган-Тарковская М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // Труды Отдела древнерусской литературы. 1996. Т. 49. С. 122–132.

2. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля : моногр. М. : Флинта, 2021. 400 с.

3. Балашова Е. Ю. Речежанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59

4. Загуменнов А. В., Маматов Г. М. Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного раскола XVII века с позиций герменевтического и лингвоперсоналогического аспектов (на материале «Книги толкований и нравоучений» Аввакума) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 15–23. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-15-23

5. Орлова Н. М. Библия и малые литературные жанры: русские пословицы и цитаты // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 29–35. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35

6. Аверина С. А. Традиционные библейские языковые формулы и их преобразование в агиографическом тексте // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 2. С. 117–125.

7. Ковалева Т. И. К изучению структуры агиографических фрагментов, содержащих видения (Слово об Исакии Печернике и Житие Александра Свирского) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 18–26. DOI: 10.17223/18137083/80/2

8. Хоменко М. В. Структура рассказов о прижизненных чудесах святых: коммуникативно-прагматический анализ // Русская речевая культура и текст : материалы XII Междунар. науч. конф. Томск : Том. центр науч.-техн. информации, 2022. С. 12–17.

9. Рогожникова Т. П., Хоменко М. В. Репрезентация «субъекта» как жанрового признака прижизненного чуда (на материале древнерусской и старорусской агиографии) // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 130–135. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-31-130-135

10. Рогожникова Т. П. Язык житийных текстов конца XV — середины XVI вв. (на материале «Макариевского цикла») : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 347 с.